

— Ты сможешь всегда быть со мной? — хрипло спросил Тао Хуайнань.

— Смогу, — ответил Чи Ку.

Тао Хуайнань держал его за руку, и слеза, висевшая на его подбородке, упала на колено:

— Тогда я тоже всегда буду с тобой, я тоже буду твоей собакой, мы будем собаками друг для друга.

Детские слова ранили сердце, Тао Сяодун и Тянь И переглянулись, слушая эти неуместные слова, но не стали их прерывать.

В конце концов Дедушка Ши был отправлен в родной дом бабушки Тянь, в место недалеко от её могилы. Старый золотистый ретривер вернулся к своей хозяйке, и теперь они смогут быть вместе навсегда.

У маленького хозяина ещё есть своя жизнь, его долгий путь только начинается.

На обратном пути Тао Хуайнань больше не плакал, его нос был красным, а веки опухли. Он крепко держал руку Чи Ку, перенося свою печаль на него, ища в нём новую надежду в своём замкнутом мире.

Теперь Чи Ку был его собакой.

Как и Дедушка Ши, он принадлежал только ему.

В ту ночь Тао Хуайнань спал рядом с Чи Ку, держа его за руку, и тихо сказал:

— Теперь я буду слушаться тебя, а ты — меня.

Сегодня Чи Ку был очень терпелив с ним, не раздражался, возможно, потому что днём Тао Хуайнань плакал так жалко. Чи Ку закрыл глаза и ответил:

— Хорошо.

— Потому что мы обе собаки, — Тао Хуайнань тоже закрыл глаза, и через мгновение из уголка его глаза скатилась слеза. — Я так скучаю по Дедушке Ши.

Чи Ку нажал на его ладонь, и Тао Хуайнань сказал:

— Я не позволю тебе грустить так, как я сейчас, я не покину тебя.

— Спи, — весь запас нежности, который был у Чи Ку, уже закончился, и теперь он не мог продолжать быть на одной волне с Тао Хуайнанем.

Тао Хуайнань тихо поплакал ещё немного, а затем, держа руку Чи Ку, постепенно уснул.

С этого дня между ними, казалось, установилось какое-то детское, молчаливое соглашение.

Тао Хуайнань поселился в комнате Чи Ку, и только изредка, когда Тао Сяодун хотел его обнять, его забирали на ночь, чтобы побыть с ним. Чи Ку тоже стал более терпеливым к Тао Хуайнаню, хотя иногда говорил «не приставай», но по сравнению с прошлым стал мягче.

На Новый год брат спросил Тао Хуайнаня, не хочет ли он ещё одного питомца.

Тао Хуайнань широко раскрыл глаза:

— Какого питомца?

— Котёнка? Щенка? — предложил Тао Сяодун. — Ты можешь выбрать любого.

Тао Хуайнань долго думал, а затем покачал головой:

— Нет, не хочу.

— Правда? — удивился Тао Сяодун.

— Правда, — Тао Хуайнань указал пальцем в сторону комнаты Чи Ку. — У меня есть Чи Ку.

Тао Сяодун взял его пальчик и повернул в другую сторону:

— Ты куда показываешь? Он тут.

Тао Хуайнань ахнул и снова указал, покачав пальцем:

— У меня есть Чи Ку.

Тао Сяодун растаял от умиления, глядя на своего брата, он щипал его за щёки, мям и растягивая их, пока лицо не стало смешным, а губы не вытянулись.

Чи Ку вышел из комнаты в красном костюме. Оба мальчика были одеты в красное, это была идея тётушки Хуан, чтобы добавить праздничного настроения. На Тао Хуайнане красный цвет делал его лицо ещё белее, он выглядел как милый малыш с румяными губами и белыми зубами. Чи Ку был худым и смуглым, и в красном он казался ещё темнее, даже немного деревенским.

Тао Сяодун посмеялся над ним, сказав, что он снова стал деревенским парнишкой.

Тао Хуайнань, хотя и не видел, тоже смеялся.

Чи Ку никогда не боялся насмешек, и когда оба брата смеялись над ним, он спокойно уселся на диван, сказав:

— Я и так деревенский парнишка.

— Ты уже не деревенский, — улыбнулся Тао Хуайнань. — Теперь ты моя собака.

Тао Сяодун щёлкнул его по голове, сказав:

— Хватит уже называть его собакой, он твой старший брат.

— А, — Тао Хуайнань послушно согласился. — Старший брат.

Чи Ку щёлкнул его по другой стороне головы.

С тех пор перед людьми он был старшим братом, а наедине — собакой.

В детстве они говорили без стеснения, называя друг друга собаками, не видя в этом ничего обидного. Позже, поняв, что такие слова могут звучать странно для посторонних, они сделали это своим секретом.

В их школе первый класс длился три семестра, первый из которых был чем-то вроде подготовительного класса, чтобы помочь слепым детям быстрее адаптироваться.

После окончания трёх семестров Чи Ку должен был перевестись. Он был зрячим ребёнком и не мог всё время учиться в школе для слепых, Тао Сяодун с самого начала сказал ему, что ему нужно продержаться только год.

Тао Хуайнань не мог обходиться без Чи Ку, даже если он хорошо адаптировался к школе и стал самостоятельным, он всё равно нуждался в ком-то рядом. Но он не устраивал истерик, только ночью тихо говорил Чи Ку:

— Ты не будешь чужой собакой, ты моя.

— Спи, — Чи Ку даже не открыл глаз.

— Ты только и знаешь, что спать, — надулся Тао Хуайнань, чувствуя, что Чи Ку совсем не понимает, как ему тяжело.

Чи Ку на самом деле не был таким уж сонным, он просто не хотел отвечать. Маленький слепой мог болтать без конца, и Чи Ку боялся, что если ответит, то это станет началом долгого разговора.

Но его молчание не остановило Тао Хуайнаня.

То он сбрасывал одеяло, потому что стало жарко, то снова укрывался, когда становилось холодно, и так продолжалось довольно долго. Потом он положил ногу на Чи Ку, устроившись поудобнее, а затем и вторую ногу.

Чи Ку спросил:

— Ты вообще собираешься спать?

— Я не могу уснуть, — Тао Хуайнань всё ещё был погружён в грусть от предстоящей разлуки. — Кто будет с тобой играть, кто будет лаять на тебя, если мы не будем вместе в школе?

Чи Ку без эмоций ответил:

— Мне не нужно, чтобы кто-то на меня лаял.

Обычно Тао Хуайнань лаял, когда хотел чего-то добиться. Чи Ку был бы рад, если бы он вообще перестал это делать.

Тао Хуайнань продолжал грустить, думал, что теперь у него не будет Чи Ку в школе.

Через некоторое время он тихо спросил:

— Чи Ку, ты будешь скучать по мне, если пять дней в неделю не будешь меня видеть?

Чи Ку ответил без колебаний:

— Нет.

Тао Хуайнань был ранен его прямым ответом, схватил одеяло и перевернулся на другой бок, не желая больше разговаривать.

Чи Ку просто считал его слишком сентиментальным и говорил то, что думал.

Тао Хуайнань был обижен, и больше не делился с ним своими переживаниями. Его внутреннее напряжение вылилось в пузырьёк на губе.

Брат уже ушёл на работу, Чи Ку занимался, читая и тренируя письмо, а Тао Хуайнань подошёл к нему и сказал:

— Губа болит.

Чи Ку не отрываясь от письма спросил:

— Язык прикусил?

— Нет, пузырьёк выскочил, — Тао Хуайнань морщился, шипя от боли.

— Покажи, — сказал Чи Ку.

Тао Хуайнань сам оттянул губу, чтобы он мог увидеть, невнятно спросив:

— Видишь? Вот здесь, внутри губы, очень болит.

— Вижу, — довольно большой белый пузырьёк, который выглядел болезненно.

Ранее брат купил пластырь от язв во рту, Чи Ку нашёл его в аптечке и наклеил на губу Тао Хуайнаня.

После этого губа онемела, и боль стала меньше.

Чи Ку смотрел на него, как он вытянул нижнюю губу, чтобы не касаться её зубами, выглядел жалко.

Тао Хуайнань сидел с серьёзным лицом, полным печали.

— Я разве сказал, что уйду? — продолжая писать, Чи Ку сказал. — Я разве сказал, что не буду с тобой учиться?

Тао Хуайнань моргнул:

— Что ты имеешь в виду?

— Спроси у брата, — Чи Ку опустил глаза, сохраняя свой холодный вид.

Тао Хуайнань догадывался, но не решался поверить полностью, его глаза постепенно загорались:

— Ты не уходишь учиться в другую школу?

Чи Ку не ответил, сосредоточившись на письме.

Тао Хуайнань схватил его за руку, радостно спрашивая:

— Правда? Правда, правда?

С самого начала Чи Ку не говорил, что переводится, и когда брат поднял этот вопрос, он сразу

сказал, что не нужно. Тао Сяодун ещё пару раз возвращался к этому, но Чи Ку не изменил своего решения. Если бы он перевёлся, маленький слепой снова бы заплакал, а этот плакса был самым надоедливым.

Тао Хуайнань был невероятно счастлив, обнял Чи Ку и прижался к нему, тихо лая ему на ухо, как маленькая собачка.

— Отстань, — Чи Ку оттолкнул его рукой, не желая быть слишком близко.

Но оттолкнуть его было невозможно, Тао Хуайнань был как липучка, самый надоедливый.

В этом мире Тао Хуайнань больше всего зависел от брата, а на втором месте был Чи Ку.

Но брат и Чи Ку были разными, у брата были свои дела, он работал. А Чи Ку мог быть рядом двадцать четыре часа в сутки, всегда рядом.

Такое постоянное присутствие и забота делали эту зависимость всё сильнее. Если в детстве ещё можно было как-то разорвать эту связь, то со временем они стали неразделимы.

<http://bllate.org/book/16228/1458092>